

*Все свои произведения посвящаю моей дорогой маме
Татьяне Романовне*

ЛЕТНЯЯ РАПСОДИЯ...

Лето. Город. Тополя.
Белый пух везде кружится.
Поругать бы, да нельзя —
Он где хочет, там ложится!

Зной. Жара. Долой одежды!
Гарь бензина от машин...
«Дождь хочу!» — кричу в надежде,
Плаваясь в золоте витрин.

Ах, в деревне б оказаться.
И с ветвей в саду есть вишню!
В речке плавать и купаться,
В сотах мёд цедить гречишный...

Воздух чист там и прозрачен.
Искры солнца на росе...
Сонной негою охвачен
Жеребёнок на меже...

Солнце к полдню выше станет,
Влагу утра слижет сок...
И упасть во ржи заставит
В зубы взятый колосок.

И травы густая свежесть,
Нежность юного зерна,
Вдруг покажет неизбежность —
Что ты просто влюблена!

В облаках, таких безбрежных,
Слышен колокола звон,
Счастье, радость, безмятежность
Унесут тебя в полон...

А в высоком небе сокол
Зорко жертву выбирает...
Жизнь то в гору, то полого
Моментально пролетает...

Лето. Город. Тополя.
Зной и пух — от них не скрыться!
Только душу распалят,
Не давая мне забытья...

ПРОГУЛКА ПО ЛУЖАМ...

А давай с тобой гулять по лужам!
Смеясь, подставляя дождю наши лица.
О как же! О как ты мне нужен...
Такая любовь лишь может присниться!

А давай кричать о нашем счастье!
Нет! Не закрывай ладонью рот!

Я стою одна... в промокшем платье...
Целый день... неделю... может, год...

Я стою... а ты, быть может, где-то
Так же мокнешь, стоя под дождём...
И всё хорошо! Всё мирно, тихо.
Но теперь мы больше не вдвоём...

КАК ТОНКО В ДЫХАНЬЕ ЗАКАТА...

Как тонко в дыханье заката
Каштана изящные листья
Играют неспешно токкату,
Как пальцами пианиста

Касаясь невидимых клавиш...
Дождём барабанят звонко.
Ты руки под капли подставишь —
Смешная такая девчонка...

Весне ты так веселишься,
Как будто великий праздник!
И в танце с дождём кружишься,
А дождь — он такой проказник!

Намочит в горошек платье,
Облепит на шее пряди!
Обычное мокрое счастье...
С улыбкою в синем взгляде!

МОЛИТВА

Читай молитву по губам...
По блеску глаз, таких тревожных.
Моя душа как гулкий храм...
Твоих шагов неосторожных...

И невесомость поцелуя
Подарит мне во сне забвеньё...
Где я живу, тебя балуя,
Но тише пульс... ищу спасенье —

В твоих ласкающих словах...
В них кутаюсь, как будто в шаль.
Как птица в синих небесах,
Я изучаю эту даль...

Но смотришь молча на меня,
Прищурившись на яркий свет...
Воспоминания храня,
Ища на свой вопрос ответ...

Кто для тебя на самом деле...
Цветочек в нежных лепестках...
Иль кто-то выше... в женском теле...
С улыбкой нежною в глазах...

Читай молитву по губам...
Не верь тревогам и ненастьям.
И не гадай... я не предам,
Я просто буду твоим счастьем!

ПУСТОТА

Не спеши уходить в пустоту...
Пустота — она глухонемая.
Ты уйдёшь, и я пропаду,
В безрассудстве от боли сгорая.
Не спеши говорить мне прощай —
Я ещё не всё отдала!

Мои чувства бескрайние, знай,
И как долго тебя я ждала!
Не спеши указать мне на дверь...
Если даже я и уйду,
Ты мне просто на слово поверь —
Твоё сердце с собой заберу!
Не спеши уходить в тишину,
В ней ответы уже не найдёшь...
Ты захочешь встать поутру
И подставить ладони под дождь.
Не спеши уходить в пустоту...
Там нельзя ничего изменить.
Без тебя, я знаю, умру...
Даже с диким желанием жить...

НЕ ПОЗОВЁШЬ... НЕ ПОВЕРНУСЬ

Не позовёшь... не повернусь...
У каждого своя дорога.
И только бьётся нервно пульс...
140... мало или много...

Когда от боли стынет кровь...
Густою патокой струится.
Война войной... а тут любовь...
Заставит пульс остановиться.

ОСТАВЬ МЕНЯ В СЕРЕБРЕ

Оставь меня в серебре...

В обители грусти нежной.

Снежинкою в январе,

Хрустальной и белоснежной...

Под солнцем мерцали грани,

Немым кружевным узором...

Тепло... но так больно ранит,

Я знаю, растаю вскоре...

И лишь слезинкою малой,

Замру на твоей щеке.

Шептала не зря устало...

Оставь меня в серебре...

СВЕТ МОИХ ГЛАЗ...

Тепло от света моих глаз

Я излучаю...

Ты говоришь: «Нет больше нас».

Не понимаю...

Ещё вчера моим словам

Ты улыбался...

И нежно льнул к моим губам

И рук касался...

Так отчего ж в тебе, родной,

Я чую холод?..

И, изучая голос твой,

Не вижу повод...

И так хочу в порыве чувств

К тебе прижаться...

Но взгляд в глазах преступно пуст.

Пора расстаться?!

А как же дать моей любви
Хотя бы шанс...
Моя душа чиста, смотри!
И не предаст...
Но ты уходишь в дальний путь,
Не обернувшись...
И я опять хочу уснуть,
Едва проснувшись...
А впрочем, хочешь... уходи,
Но только знай...
Что бы ни встретил впереди —
Не забывай.
Тепло от света моих глаз.
...Такая сила...
Ты говорил: «Нет больше нас».

...Но я... простила...

НАД ТОБОЮ Я НЕ ВОРОЖИЛА...

Над тобою я не ворожила.
Зелье приворотное? Да что вы!
Знать, любовь моя тебя вскружила,
Понавесив на сердце оковы.

Над тобой в ночи не колдовала.
Лишь душой твоей души касалась...
Свою нежность щедро отдавала,
Только больше обрела, как оказалось.

Не колдунья я, не ворожея.
Моя сила — в искренности сердца.
Ты на ушко шепчешь: «Моя фея...
Никуда мне от тебя не деться».

Не девайся, я ведь не гоню,
Зачарована и я теперь тобою.
Это чудо трепетно храню,
Пред тобою двери не закрою.

Над тобою я не ворожила...
Да и ты совсем не ворожил.
Я тебя лишь трепетно любила...
Как и ты... меня боготворил.

МЕЧТЫ НА ТЕНЕРИФЕ...

Спустился вечер на причал
В печальном настроении...
Он не о том всегда мечтал —
Мечтал о том мгновении...

Когда из бирюзовых вод
Надежда вновь вернётся.
Рассвет прогонит час невзгод
И радостью взорвётся!

И твой фрегат у берегов
Красавца Тенерифе...
Не сел на мель его остов...
И не застрял на рифе.

Он просто трепетно застыл
В сиянии рассвета...
И по волнам как бы парил —
Под тёплым мягким светом!

Он не заметил, как взлетел,
И вместе с журавлями —
В потоке сильных белых тел —
Наполнился мечтами!

Летел к любимой он вперёд!
Он знал — его там ждут!
И ветер подгонял полёт
Всего лишь пять минут...

Он долетит... ведь там причал...
Его любви глубокой...
Он эту пристань долго ждал
В печали одинокой...

И там — он знал — не будет слёз,
Не будет острых рифов...
А будут лепестки из роз,
И страсть... на Тенерифе...

ЕВА

Она умела летать. И когда она при знакомстве просто говорила: «Привет, я Ева, и я умею летать», — люди выражали на лице вежливость и спешили отделаться от странной девицы.

Ева не помнила, откуда она узнала о своём даре, просто однажды увидела в небе стаю журавлей и поднялась к ним, чем немало напугала сосредоточенных на полёте птиц. С годами девушка приобрела некий опыт и уже не неслась как угорелая навстречу приключениям. Изначально у девушки были светло-серые крылья, немного темнее на кончиках, отчего казалось, что они из серебра. Но оперение становилось с каждым днём насыщеннее и к 27 годам стало глубокого угольного оттенка. Ева хмурила брови, недовольная этим фактом, но других крыльев у нее не было.

И лишь ночами она зажмуривала глаза, видела себя парящей в розовато-жемчужных закатных облаках... а её белоснежные крылья практически сливались с небом, и казалось, что она дитя небес и её место там, среди мерцающих звёзд или среди наполненных дождевых туч.

Ева работала в гончарной мастерской, проводила там всё время, изготавливая изделия такой нереальной красоты и изящества, что, когда она выставляла очередной шедевр на стеллаж магазинчика при мастерской, то посетители долго вертели в руках изделие, не понимая, как такое могли сделать человеческие руки, и сразу покупали её работы за очень большие деньги.

Ева хорошо зарабатывала, но никогда не забывала о своей заветной мечте — белоснежном оперении. Она слепо верила, что всё возможно!

Так и жила, ваяла из глины посуду и подсвечники, а ночью, сидя на подоконнике на своём 17-м этаже, всматривалась

в непроглядные от смога небеса, за которыми сияли мириады созвездий, и грезил... о больших белых крыльях, об океане, куда можно будет долететь...

Как-то Ева заметила симпатичного юношу, который каждый день приходил во второй половине дня и часами крутился возле стеллажей, брал в руки глиняные изделия, тщательно всматривался в каждый расписной завиток, но никогда ничего не покупал. Ей стало любопытно, и она выходила расписывать посуду в зал, когда он опять являлся и опять сосредоточенно изучал труды Евиных рук. Так шли дни за днями, и вот девушка не выдержала и, подойдя к мужчине, протянула руку и с улыбкой произнесла: «Привет, я Ева. И я умею летать».

Лёгкое недоумение отразилось на лице молодого человека, но он лишь улыбнулся и пожал руку: «Привет. Я Марк. Я не умею летать».

С этого момента они стали вести недолгие разговоры. Об искусстве, об истории... И вечером после работы, обычно по средам, Марк ждал Еву у выхода и провожал до дома. Девушка не приглашала его домой, да он и сам не напрашивался. Прошло около полугода, и однажды Марк пришел раньше обычного и попросил Еву подмениться. Такого ни разу не было. Девушка закрыла магазин и с лёгкой тревогой пошла вслед за своим странным приятелем.

Они доехали до метро «Преображенская площадь», отсюда долго тряслись на трамвае и вышли у высотного современного здания в 30 этажей. Марк взял Еву за руку и на лифте поднял её на последний этаж. Это было недостроенное помещение без окон. В дальнейшем архитектура предполагала панорамный вид, но пока здесь были лишь нештукатуренные стены, строительные леса, трёхметровые потолки и зияющий проём с символической красно-белой полосатой лентой.

Ева недоумевала, зачем они пришли сюда, а Марк подошёл к ней вплотную, так близко, что их дыхание смешалось, и прошептал: «Ева, я не умею летать, но смотри...» С этими словами он скинул с плеч кожаный плащ, и Ева застыла от восторга! Перед ней стоял Марк, а за спиной трепетали насквозняке белоснежные крылья! И совсем уже на полувздохе: «Ева, научи меня летать...»

Они приезжали сюда каждую неделю, но как бы Ева и Марк ни старались, его чудесные крылья не хотели поднимать тело в воздух, а безвольно повисали вдоль тела, только юноша подходил к проёму окна...

Девушка начинала злиться... Ну как можно не летать на таких огромных роскошных крыльях?!?!

Даже она на своих скромных ловила самые тонкие потоки воздуха и выделявала в воздухе невероятные па!

Вечерами они сидели на подоконнике её квартиры, пили вино, смеялись и мечтали...

Как-то Ева предложила поменяться оперением. Девушка сумела бы справиться, ведь практики было более чем достаточно! Она смогла бы настроить его крылья для дивных полётов. И Марк бы испытал настоящий восторг от взлёта в её проверенных чёрных перьях.

Стоя на карнизе, взявшись за руки, они одновременно прыгнули в вечерний город — и полетели!! Марк... вверх, ловя блики от плавающих в окнах всполохов заходящего солнца, а Ева... вниз, и так прекрасна она была с нежнейшими белоснежными крыльями в розовато-золотистом сиянии от переливов солнечного света! Белокурые локоны блестели и путались на ветру, а синие глаза девушки горели счастьем так, что Ева не сразу заметила, что чужие крылья совсем её не слушаются... и вместо пушистых облаков навстречу стремительно летит асфальт...

В небольшом столичном переулке стоял небольшой магазин-мастерская гончарных изделий. В нём работал симпатичный юноша, и, встречая новых покупателей, он протягивал руку и улыбался: «Привет, меня зовут Марк, и я умею летать...»

НАСТРОЕНИЕ ДОЖДЬ

Пятый день не переставая шёл Дождь... не унылый осенний, угнетающий душу. Не первый весенний — будоражащий сердце... Лил уверенный, знающий себе цену летний Дождь. С пузырями на лужах, со сногшибательным ароматом бесконечной свежести... с желанием сидеть в уютном кресле с бокалом хорошего вина... Этот Дождь отвечал на вопросы и дарил ложные надежды...

Настала ночь... Дождь шуршал по стёклам, заливая мир слезами... прижимался к окнам так тесно, словно хотел сказать: «Смотри, я такой же, как ты... и я так же грущу...»

В эту ночь я сидела на подоконнике, обняв колени, и задумчиво вглядывалась в Дождь... Я не курю, но вдруг так захотелось затянуться ментоловой сигаретой и курить одну за другой... Я смотрела в промокшую насквозь летнюю ночь, пригубляя коньяк, и думала, почему ты больше не приходишь... Не было ссор, не было размолвок... Что произошло? Я спрашивала у Дождя, но он лишь хмурил косматые дымчатые тучи и начинал барабанить по подоконнику с ещё большей силой... Мы были с ним сейчас едины... Мы ждали и грустили в унисон...

Наверно, я всё же придремала, потому что не услышала, как ты тихо зашёл, не включая свет... легонько убрал с лица солёную прядь влажных волос и прошептал: «Глупенькая

моя... что ты опять себе там выдумала... я никуда не исчезал, видишь, я вернулся...», — и поцеловал меня в глаза...

Не веря, что это всё-таки ты, я подняла голову, потом, как шёлк, стекла в твои объятия, обняла крепко-крепко, уткнулась носиком в твою шею и замерла... на целую вечность, а ты гладил меня по волосам, тихонько, еле касаясь губами, целовал и укачивал, как маленького ребёнка. А за окном... я почувствовала, Дождь за моей спиной изменил тональность и заливал этот мир немного иначе... то ли злясь, что его предали, то ли радуясь, что хоть кого-то в эту ночь покинуло одиночество... а может, он пошёл по городу искать, с кем ещё разделить печаль... или напеть нежную колыбельную... ведь кто же его знает... этот Дождь...

В ДОЖДЕ...

Хочу раствориться в дожде...
В этой звонкой чистой печали,
Чтобы боли больше не знали
Наши души на грешной земле.

И, закрыв глаза, наслаждаться...
Вновь ловить губами прохладу.
Понимать... это то, что надо,
И всецело дождю отдаться.

Позабить про возраст и время...
Прочь древнейшие письмена!
Все проблемы долой... имена!
И... не помнить лежащее бремя.

Полновесные капли лоя,
Раствориться в дожде без остатка...
Смаковать нектар этот сладкий,
Очищаясь! Волнуясь! Любя...

ПАРА ШАГОВ

До тебя лишь пара шагов,
Но пройти этот путь очень сложно.
Словно держат сотни оков,
И сорвать их, увы, невозможно...

До тебя лишь пара минут
И лишь пара нажатий клавиш.
Ты за тысячи миль... и вдруг тут,
Своим голосом в омут бросаешь...

До тебя лишь пара часов,
Ты во снах меня навещаешь.
Миллион шепчешь нежных слов
И вернуться ко мне обещаешь...

До тебя... так близко... казалось,
Лишь чего-то пару... несложно.
Но коснуться тебя... это — малость,
А пройти её... невозможно.

ДОЖДЬ...

Вновь с ночи дождь в окно упорно бьётся...
Сгущая краски летнего утра...
Под вечер издевательски смеётся,
Мир поливая, словно из ведра...

Цветы промокли и к земле поникли,
Касались влажной глины лепестки.
Всё хлещет дождь, и соловьи притихли...
В цветущей липе хохлятся с тоски.

И рваной рябью пруд сейчас мерцает.
Качаются от ветра камыши...
Смотрю в окно и где ты... я не знаю...
За пеленой дождя нет ни души...

Но ты поймёшь, я верю — ты увидишь
Печаль и грусть, что мучает меня...
И ты придёшь, конечно, и... обнимешь,
Спокойствие и нежность мне даря.

Ну а пока пускай идут дожди...
Умоют стёкла дивной чистотой.
А на окне мне дождь напишет: «Жди...»
И я дождусь... и буду вновь с тобой!